

Вячеслав МОИСЕЕВ

Георгий ГОРЛОВ

КАСАЕТСЯ НЕБА

Драма-притча в трёх действиях

И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх её касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней.

И вот, Господь стоит на ней и говорит...

(Бытие. 28:12-13)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Иванов

Лера, она же **Жена Иванова**

Рыжий

Хозяин

Пианист

Скрипач

Депутат

Бывший интеллигентный человек

Гиви Арсенович

Профессор

Учёный

Лара

Женский голос за дверью

Голос в трубке

Танцующие пары

Люди на полатах

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

ПЕРВАЯ КАРТИНА

Квартира Иванова. Иванов лежит на кровати. С трудом встаёт, идёт, шаркая, по квартире, подходит к холодильнику, открывает, заглядывает внутрь. Вздыхает, закрывает дверцу.

Иванов. Ну хоть бы что-нибудь!

Идёт в ванную, умывается. Возвращается. Звонок в дверь.

Иванов. Боже, как давно я не слышал этого звука! Кто бы это мог быть?

Идёт к двери, долго возится с замками. Открывает дверь. В квартиру входит высокий, широкоплечий рыжий детина, лучезарно улыбаясь.

Рыжий. Приве-е-ет!

Иванов. Вы, собственно, к кому?

Рыжий. К тебе, родимый! Разве не ты тут живёшь? Ну-ка давай соображай! Ну?

Иванов. Я. Живу.

Рыжий. Ай, вот и молодца! Значит, я к тебе!

Иванов. А в чём, собственно?..

Рыжий. Хорошая у тебя квартира, дорогая. Но запущенная. Чё так с недвижимостью-то обращаемся, а? Деньжат нету? Понима-аю. Так мы поможем. Если ты нам пособишь.

Иванов. Простите... Как посо...?

Рыжий. (*Обрывает Иванова на полуслове.*) Да всё просто: дружба, братан. Понимаешь: дружба! Святее ж нет уз... этих самых... Ну ты помнишь со школы, да?

Иванов. Да в чём, собственно, дело?!

Рыжий. Да, братан, дело. Дело конкретное. Надо помочь одному

очень хорошему человеку. О-очень хорошему. Въезжаешь?

Иванов. Пока нет.

Рыжий. Короче, есть у меня друг. Я за него чё хошь — хошь на перо, хошь на ствол.

Иванов. Всё так серьёзно?

Рыжий. (*Жизнерадостно треплет Иванова по голове.*) Да ладно ты, огурец, не бойсь, всё пучком. Покамест. Просто надо моему другу устроить маленький такой сабантуйчик. Поляна, тёлки, все дела. Ну врубись: его баба с детками умотала в Турчляндию, и чё теперь — мужику простаивать, что ли? Не, ты не думай — он семьянин такой, что прям это!.. И детей своих любит. И ваще. Но при жене не распрямается. Ну эт беспонтово по его понятиям.

Иванов. Ну а я при чём?

Рыжий. Не въезжаешь конкретно?

Иванов. Не понимаю.

Рыжий. Тёща.

Иванов. Что?

Рыжий. Всё! Прикинь: накрыл мой дружок полянку у себя в хате, подруг по работе пригласил. А тут в дверь — дрррынь! Тёща!

Иванов. Начинаю догадываться.

Рыжий. Вот! Умняк! Не зря мой друган говорил, что ты хороший человек. Короче, мы у тебя корни пустим. Временно. Да не переживай ты так, мы люди хорошие, можно даже сказать, интеллигентные. Посуду не побьём, мебель не поломаем. А если поломаем, то возместим. А-га-га! Шутка!

Иванов. Как же так?.. Я не готов...

Рыжий. Как говорит мой друг, счастье всегда внезапно. А-га-га! Ты, кстати, как насчёт выпить?

Иванов. Могу. Немного.

Рыжий. Это как: сколько ни пей, всё немного? А-га-га! Шутка обратно, не парься. Хорошо, хоть что-то пьёшь. Не люблю непьющих: все или падлы, или шпионы... (Оглядывает обстановку.) Голяк у тебя тут, конечно, конкретный, но ладно, мы всё принесём. Иди на диванчике посиди, не мешай людям работать.

Иванов. Каким... людям?

Рыжий. Ща уви-идишь.

Звонят в дверь.

Рыжий. Опаньки — людишки-то уже пришли!

Рыжий идёт открывать дверь. Входят две девушки средних лет, навьюченные пакетами.

О зашибись! Лера, Лара, привет, заходите! Не-не, в холодильник ничё не надо, сразу по тарелкам и на стол. Тарелки принесли одно-разовые? Прально! Давай, режь и мечи.

Иванов. (С трудом сдерживается, чтобы не наброситься на еду.) А... (делает заметное глотательное движение.) Может, я помогу?.. Всё же?

Рыжий. (Пристально посмотрев на Иванова.) А помоги. На-ка вот тебе хлеба с колбасой — и пожуй.

Рыжий и девушки накрывают на стол. Иванов сидит на диване и, отвернувшись от остальных, жадно ест. К нему подходит Лера, садится рядом, кладёт руку на плечо.

Иванов. (Вздрагивает от прикосновения женщины.) Что?

Лера. Вы один живёте?

Иванов. Да вот...

Лера. Бедненький. (Берёт его за руку.) А жена?

Иванов. Жена ушла.

Лера. Неужели? Как она могла бросить такого хорошего мужчину?

Иванов. Так получилось. Я, в общем-то, и сам виноват...

Лера. *(Вытягивает из-под юбки бесконечные ноги в чёрных колготках. Осуждающе.)* Как это жестоко! Я вижу, как вы страдаете. Давайте выпьем. Немного.

Лера встаёт, идёт к столу, приносит две рюмки и два бутерброда. Иванов принимает угощение.

Иванов. *(Робко.)* За знакомство?

Лера. Нет, давайте за вас и за избавление от страданий.

Иванов. «Она его за муки полюбила...»

Лера. *(Вытив.)* Извиняюсь, кто кого за что?

Звонок в дверь. Рыжий бросается к двери, кричит.

Рыжий. Барин пришли! Все за стол!

Затемнение. Звон рюмок и бокалов, громкие голоса, женский истерический хохот.

ВТОРАЯ КАРТИНА

Иванов нетвёрдой походкой выходит в коридор, открывает дверь и оказывается на лестничной площадке.

Иванов. Пить! Пи-ить!

Сознание покидает Иванова. Он оседает на ступени. Свет гаснет, через полминуты разгорается вновь.

(Очнувшись.) Где я? Где мой дом?

Иванов с трудом поднимается и звонит в дверь квартиры. Дверь открывается. Зрители не видят того, кто стоит за дверью, слышат только женский голос.

Женский голос. Вам кого?

Иванов. Мне кого? Мне себя. Я тут живу.

Женский голос. Нет, это я тут живу!

Иванов. *(Заглядывая за дверь.)* Ничего не понимаю. Ведь это должна быть моя квартира... А она не моя. А почему вы тут?..

Женский голос. Потому что это моя жилплощадь, я хозяйка квартиры! У меня все документы есть, я её купила на честно заработанные средства! А ты кто такой?! Ходят тут!.. Залил zenки с утра пораньше!

Иванов. Я? Залил? А что, уже утро? Простите... Простите...

С треском захлопывается дверь перед носом Иванова.

Иванов. Боже, я ничего не понимаю. Почему в моей квартире живёт эта сварливая баба? И по какому праву там всё поменяли? И даже запах другой... Да я просто ошибся дверью!

Иванов начинает звонить во все двери подряд. Никто не открывает. Он взбегаёт по лестнице, звонит в квартиры этажом выше, но и там никто не открывает. Он садится наверху, просовывает голову между прутьями лестничного ограждения.

Я вообще-то живой или нет? Всю жизнь прожил здесь и вот — потерялся. Это же моё первое и единственное жилище. Сюда меня принесли из роддома, отсюда и отправят в последний путь... Я так думал. Получил эту квартиру мой дед, физик, академик и лауреат, директор НИИ. Человек чрезвычайно одарённый, целеустремлённый. Властный. Всему в своей жизни был обязан советской власти. Сын бедного крестьянина, рано осиротел, пережил и голод, и холод, и тиф. Если б не чекисты, собиравшие беспризорников по подвалам и помойкам, сгинул бы. А так попал в колонию, где ему дали путёвку в жизнь. В одиннадцать лет впервые попал в школу и на всю жизнь влюбился в науку. Читать и писать ещё толком не умел, а задачки уже решал, словно орешки колол. Студентом был замечен самим

Петром Леонидовичем Капицей и начал работать в его лаборатории. Вступил в партию и оставался верным ленинцем до конца дней своих. Его миновали репрессии и гонения. Во время Великой Отечественной продолжал заниматься наукой, потому что работал на оборону страны... Дед всю жизнь и во всём был верен основам и шёл в русле. Кроме одного — женился на женщине явно не рабоче-крестьянского происхождения. По всему было видно: кровь у неё благородная, возможно, дворянская. Воспитание, образование, кругозор, облик — всё выдавало несоветского человека. Кто были её родители, где училась — тайна. Лишь однажды мы с ней гуляли, а был я ещё совсем малышом, и остановились возле большого двухэтажного особняка. Бабушка вдруг расплакалась и сказала: «Здесь я жила, когда была такая же маленькая, как ты сейчас». И всё...

Иванов встаёт и спускается по лестнице.

Однако же где мой дом?

Звонит и стучит во все двери. Одна дверь открывается, появляется Рыжий.

Рыжий. Чего надо?

Иванов. Это вы? Наконец-то (*пытается пройти в квартиру.*)

Рыжий. *(Отталкивает Иванова.)* Вали отсюда, бомжара.

Иванов. Подождите, ну как же? Это же я...

Голос Хозяина. Впусти его.

Рыжий пропускает Иванова в квартиру и скрывается. Сцена разворачивается, и зрители видят совсем другой интерьер, нежели жилище Иванова. Куда более богатый. За большим обеденным столом сидит Хозяин. Возраст его определить сложно — ему может быть и сорок, и пятьдесят лет, и больше.

Хозяин. Проходи, садись.

Иванов. Спасибо *(садится за стол и в изумлении оглядывает обстановку.)* Извините. А когда вы успели сделать ремонт... в моей квартире?

Хозяин *(пристально смотрит на Иванова).* Давно пьёшь?

Иванов. Да вы что? Я не пью... вообще-то. Только сегодня... Или вчера... немного позволил себе...

Хозяин. Ладно, не суть. Вижу, что человек нормальный, не профессиональный алкаш. Просто беда случилась, да? Из дому выгнали?

Иванов. Можно и так сказать.

Хозяин. Ну так залей горюшко-то. Да и закуси. Глядишь, развиднеется. Тебя как звать?

Иванов. Иванов. А вас?

Хозяин. Зови, как все, — Хозяином.

Иванов чокается с Хозяином, пьёт и ест. Потом встаёт, проходит по квартире, оглядывает её.

Иванов. Теперь я вижу... И правда — развиднелось. Большая у вас квартира, просто огромная. Не моя. Не представляю, как она помещается в нашем подъезде.

Хозяин. Да не такая уж и большая — комнат десять, что ли. Как размещается в доме, не знаю. Есть архитекторы, риэлторы, дизайнеры всякие — это их дело. А я счета оплачиваю.

Иванов. Скажите... Хозяин, а зачем вам столько комнат?

Хозяин. Как тебе объяснить? Мне конкретно столько не надо. Я пользуюсь максимум тремя: спальней, кабинетом, столовой. Ну, иногда выкурю сигару в зале перед камином. А в остальных комнатах и не бываю. Но меньше жильё иметь мне нельзя. По статусу не положено. Я предприниматель. Бизнес у меня не малый и не средний — крупный.

Значит, иметь я должен большой дом, крутые машины, яхту, статусную жену, любовницу, собаку, часы, трусы и всё такое. Принадлежишь к определённом кругу — должен соответствовать.

Иванов. Это всё обязательно?

Хозяин. А как же? Что-то у тебя не в тренде — значит, бунтарь. На великосветскую тусовку не явился — своих не уважаешь. Подрыв основ! И кто после этого со мной дела будет иметь на миллионы и миллиарды? То-то.

Иванов. Выходит, вы заложник своего положения?

Хозяин. Наверное. Но это добровольное мученичество, правда, удобное и комфортное.

Иванов. Я думал, деньги дают свободу.

Хозяин. Полной свободы вообще не бывает. И даже с очень большими деньгами не всё можно себе позволить. Это сначала, когда ты заработал первые приличные деньги, так радостно их тратить! Покупать то, что раньше не мог себе позволить, делать подарки родным, близким и друзьям! А потом становится скучно. Интерес к жизни пропадает. Ничего нового в ней как будто уже нет. Всё видел, всё попробовал. Самое страшное — когда

тебя начинают воспринимать как туго набитый кошелёк. Твоя личность, твой внутренний мир, душевные переживания всем по барабану. И вот тогда понимаешь: нет, не они тебе принадлежат, а ты им!..

Иванов. Вижу, вы один живёте?

Хозяин. Да, временно один. Развёлся с очередной супругой. Оставил ей дом, потому и оказался в этой квартире. Пока строится новый дом, поживу здесь.

Иванов. Выходит, вы уже не с первой женой расстались?

Хозяин. С четвёртой. Ради первой я, дипломированный инженер-конструктор, в бизнес и ударился в конце восьмидесятых. Организовал с друзьями кооператив по ремонту автомобилей. Потом торговля хорошо пошла, раскрутились, деньги посыпались. Но и с бандюками пришлось разбираться. С налоговой, с милицией, прочими органами, которые в те годы от бандюков иногда мало отличались. Ни сил, ни нервов не оставалось, лишь бы до подушки доползти и рухнуть, хоть немного поспать... А жена недовольна: «Ты нас забросил! Мне не уделяешь внимания. Дети растут без отца». И всё такое. Меня бы по головке кто погладил, ласковые слова в ушко шепнул перед сном...

Иванов. И нашлась такая?

Хозяин. Конечно, нашлась. Великолепная женщина. Никто так меня не любил, как она. Всякая прихоть, самое безумное желание исполнялись мгновенно. Жил, как в раю, окружённый лаской и заботой. Только со временем и это надоело, захотелось адреналина, фейерверка! Молодой ещё был. Третья жена была человек-праздник. Вся порыв, гламур и блеск. Каждый день тусовки, приёмы, балы, карнавалы, фестивали. Надолго, правда, меня не хватило. Скоро почувствовал себя чужим на этом празднике жизни, да и состояние от безрассудных трат подтаило, как весенний снег... Потом была ещё одна, молодая, красивая и немногословная. В постели творила чудеса. В остальное время в бассейне любила плескаться. Там я её с компаньоном моим и застукал. У меня же дома. Потому и жить там не хочу. Теперь вот, как говорят женщины, я в поиске *(нервно смеётся.)*

Иванов. А совсем без жены нельзя?

Хозяин. Нельзя. Статус!

Иванов. Ах, он, статус!

Хозяин. Теперь понимаешь, что жить в богатстве не всегда радость?

Иванов. Ну а если не в радость, так раздайте деньги нуждающимся!

Хозяин. Ты думаешь, я не жертвую? Я учредитель благотворительных фондов, председатель попечительских советов. Не перечсть всех мной построенных церквей, отремонтированных больниц и детских домов, учреждённых мной грантов, премий, стипендий и прочего разного. Была у меня даже безумная идея о совершенном обществе — что-то вроде коммунизма или Царства Божия на земле. Купил островок в Тихом океане, построил бунгало и всё остальное, что необходимо для счастливой жизни — кроме банка и администрации. Ведь деньги и власть в совершенном обществе не нужны! Всё можно было получить просто так, даром и управляться доброй волей. Психологи отобрали полтора десятка лучших семей — в основном всё люди творческих профессий: художники, музыканты, писатели и другие служители чистого искусства. Хорошая идея?

Иванов. По-моему, прекрасная.

Хозяин. Вот-вот. Живи и твори! Так только Адам в раю жил... Да ничего подобного! Не прошло и двух недель, как пошли конфликты. Сначала творческие разногласия, зависть непонятно к чему, ревность, неприязнь. И наконец —

желание подчинить себе подобных. Творцы поделились на группы, разграничили территорию, чуть не дошло до мордобоя. Сначала я пытался примирять их, зывал к совести, к светлой идее, чистым человеческим чувствам. Зачинщиков изгонял на материк. На время страсти угасали, а затем разгорались с ещё большей силой. Наконец остров разделился надвое, и все только ждали, когда прольётся первая кровь, чтобы начать резню. Примирить их было невозможно, пришлось всех вывезти с острова. И эта эвакуация их объединила — в ненависти ко мне.

Иванов. Трудно быть Богом?

Хозяин. Теперь я понимаю: хоть в чём-то заменить Бога глупо и грешно. Не нужно вмешиваться в Божий промысел о каждом из нас. Нельзя насильно пытаться изменить человека, даже к лучшему. Невозможно против воли сделать его счастливым. Поэтому теперь стараюсь действовать избирательно в благотворительности. И здесь, как в медицине, должен быть принцип «не навреди».

Иванов. Наверное, в чём-то вы правы, но...

Хозяин. Чего-нибудь ещё хочешь?

Иванов. Да нет. Я вам очень благодарен за хлеб-соль и за беседу...

Хозяин. И тебе спасибо. Вот что, дам я тебе пятьдесят баксов. Можно, конечно, купить тебе жильё, помочь начать бизнес. Только промысел Божий я менять не стану. Ведь зачем-то даёт тебе Господь испытания, и ты их должен пройти до конца. А пятьдесят долларов — не та сумма, чтобы резко изменить жизнь, но на всякий случай полезна. Я и сам начинал когда-то с суммы немногим больше.

Иванов. Спасибо (*засовывает деньги в карман брюк.*)

Хозяин. Ну, всё. Ступай с Богом. (*Рыжему.*) Проводи.

Рыжий молча вытускает Иванова в подъезд.

ТРЕТЬЯ КАРТИНА

Иванов поднимается на этаж выше, присаживается на ступеньки, снова просовывает голову между прутьями ограждения лестницы.

Иванов. Что мне богатые с их проблемами, когда я не могу найти свой дом родной? Где он? Может, я попал в соседний подъезд? Был пьян, вышел проветриться и вернулся не в ту дверь? Но почему тогда я вижу знакомые, не стёршиеся за целый век мозаичные плитки на полу, вот это окно

с многожды крашеным-перекрашенным переплётом и треснувшим стеклом, которое не меняют уже лет двадцать пять, эти старые почтовые ящики с номерами квартир — и с номером моей квартиры?! А моей квартиры нет! Это ловушка. Западня. Или я схожу с ума. В любом случае выхода нет. А если выхода нет, значит, нет конца и начала. Тогда всё вообще лишено смысла. Не нужен опыт прошлых лет, не о чем мечтать, не надо строить планы. Напрасны боль и радость. Созидание — пустая трата сил. Любовь — иллюзия! Бесмысленна жизнь, а смерть — не исход. Но ведь зачем-то меня родила мама.

Где-то со скрипом открывается дверь, слышны шаги по лестнице. Сверху появляется Рыжий с сигаретой в зубах, в майке-алкоголичке, растянутых трениках и тапках на босу ногу. Волосы на голове его всклокочены. Видно, что он основательно выпил. Подходит к Иванову и садится рядом прямо на пол, просунув ноги сквозь лестничную решётку вниз.

Рыжий. Мам-ма? Она всех родила. А зачем — нас не спросила. Живой — живи. Сы-пички есть?

Иванов. Нет. Не курю.

Рыжий. Да у меня у са-амого они где-то, а не помню, куда заховал

(жуёт сигаретный фильтр.)
А Расскажи про маму.

Иванов. Зачем вам? Вы что — свою маму не помните?

Рыжий. Не, не помню! Я детдомовский. Всегда хотел понять, как это — чтобы семья: и мама, и папа, и с детьми они каждый день. Как это? Я вот женился, сына родили с моей жёнкой, а через два года она ушла и пацана забрала. Чуррбан ты, грит, бесчувственный. И умотала. А у меня вот здесь *(бьёт себя кулаком в грудь)* ни-че-го не шелохнулось. Ушла и ушла. Ведь я ждал: у людей же, грят, сердце после такого болит. А я живу один, и всё мне по фигу. Как и не было никого. Только алименты снимают — тик-чик, чик-тик... Ну Расскажи ты про маму и папу! Может, я не понимаю чего в этой жизни вашей... правильной!

Иванов. Вы ещё скажите, что вы не Рыжий.

Рыжий. Ну, рыжий *(приглаживает шевелюру)*. А про мамку с папкой всё равно Расскажи.

Иванов. Ох... Мама... Она была просто чудо, а не ребёнок, послушна родителям во всё. Училась старательно, была комсомольской активисткой. Окончила школу с золотой медалью, подавала, не раздумывая, документы на физтех. А как иначе? Она всегда

исполняла волю отца — моего знаменитого деда-учёного. По его совету поступила в аспирантуру, защитилась, устроилась на работу к нему в институт. Послушно вышла замуж за любимого им ученика. Конечно, не без любви, но главным для неё было доброе отношение отца к её избраннику. Это же его ученик, отец любил его, и все были счастливы. Пока отец не разошёлся с зятем в вопросах теории. Правда, не естественнонаучной, а марксистско-ленинской. Молодой ум исследователя просто не мог не заметить несовершенства царившей в стране идеологии и системы, образованной ею.

Рыжий. Против линии партии, значь, попёр?

Иванов. Выходит, так. А тут хрущёвская оттепель, затем Пражская весна и внезапное брежневское оледенение. Вот тогда отец и поскользнулся, вывихнув мозги. Потянулась цепочка размышлений и выводов. Но до поры до времени отец оставлял свои выводы при себе. Пока не появился пример другого учёного — академика и трижды героя, открыто выступившего против существующих порядков. Хотя и это вполне могло пройти мимо молодого физика, занятого своими опытами. Но власти требовалась реакция научной общественности. Все — от академика до младшего

научного сотрудника — в едином порыве должны были облить отщепенца презрением. Началась травля, в которой преуспел мой знаменитый учёный дед. А отец не стал подписывать коллективные осуждающие письма — наоборот, прилюдно высказался в поддержку опального академика. Не громогласно, но и не шёпотом. Имеющие уши услышали.

Рыжий. Вышерли?

Иванов. Да, причём отовсюду — с работы, из дома. На работу даже в школу не брали. Кое-как устроился кочегаром в котельную — и это уже был подарок судьбы. Появилось время поразмышлять, пока швырял уголёк в топку. Подал документы на выезд из СССР. Долго мурыжили, отказывали. Пока не началась «разрядка международной напряжённости». Да и секретов особых за отцом к тому времени не числилось. Отпустили. Уехал на Запад, получил лабораторию и занялся любимым делом. Пытались его идеологи тамошние пригласить в эфир покритиковать «тоталитарный режим» в России, да он отказался. Нобелевскую премию не получил, но пару раз номинировался.

Рыжий. Да ты чё? Нобелевскую? Хрена се!

Иванов. Я же говорю — не получил. Пока. Мне было четыре

года, когда он ушёл из семьи. Но вот уж сколько лет, как железный занавес рухнул, а от него ни звонка, ни весточки. Значит, так я ему нужен.

Рыжий. А мамка что?

Иванов. Мама, конечно, страдала. Но не на людях. Только плакала по ночам — я это слышал. И меня невзлюбила. Наверное, я ей отца напоминал. А потом вдруг появилась модная одежда, яркий макияж. Начались задержки по вечерам с работы, походы в театры и рестораны. Однажды дед вернулся с работы, клокоча, как вулкан. Позвал мою маму в кабинет для серьёзного разговора. Кричал, что она не имеет права разрушать чужую семью, что она бросает тень на него... А мама вдруг твёрдо напомнила, что именно по воле отца лишилась счастливой семейной жизни. Этот аргумент подействовал на деда оглушительно. Мама вышла из кабинета с гордо поднятой головой. После этого я вообще почти не видел её дома. Возвращаясь из отлучек, она пыталась навёрстывать упущения в моём воспитании. Кидалась проверять дневник, листала тетрадки, и всё ей не нравилось. По-моему, она просто искала повод сорваться на мне. Ругала, плакала, обвиняла меня в чёрствости и непонимании того, как ей тяжело одной. Я молчал. Тут ещё дед присоединился

со своими назиданиями. В конце концов, мама уехала с новым мужем к нему на родину — в Бангладеш. С дедом мы вообще перестали разговаривать. И только бабушка всегда меня утешала. Она и оставалась до самой смерти моей семьёй.

Рыжий. Значит, ты такой же сирота, как и я.

Иванов. Выходит, так.

Рыжий. Огонька, значит, нет у тебя.

Иванов. Выходит, так.

Рыжий. Ну, я пойду тогда.

Иванов. Стой! Покажи хоть, где выход отсюда.

Рыжий. Там (*машет вниз*.)

Иванов спускается на этаж ниже и бьётся в двери. Внезапно одна из них с лёгким скрипом приоткрывается.

Иванов (*заглядывая за дверь*).
Есть кто живой? Хозяева!

Из квартиры доносится музыка. Она становится всё громче и отчётливей. Это красивая классическая музыка. Иванов входит в квартиру. Сцена разворачивается, и зрители видят рояль, за которым сидит музыкант, а

второй, со скрипкой, стоит рядом. Звучит финальный аккорд.

Это просто потрясающе! В нашем великом и могучем языке нет таких слов, которыми можно выразить восхищение вашей музыкой. Огромное вам спасибо!

Пианист. Как вы сюда попали?!

Иванов. Шёл мимо и услышал, как вы играете. О, это было так божественно, что я не мог не остановиться. Дверь была приоткрыта, и я вошёл.

Скрипач. Опять дети не захлопнули дверь! Сколько раз я им говорил!

Пианист. Однажды всё это закончится плохо.

Иванов. Но почему? Вы... *(С удивлением)* Так это вы?! Я много раз видел вас по телевизору. Но вы же всегда исполняете попусу! Извините, конечно.

Скрипач. Да не за что вам извиняться, мы действительно исполняем попусу. Дружим с детства, вместе ходили в музыкальную школу, вместе окончили консерваторию. Становились лауреатами разных конкурсов, ездили на фестивали. Казалось, вот-вот перед нами распахнутся двери лучших концертных залов. Только время шло, а пробиться на большую

сцену не получалось. Оказалось, у нас масса талантливых и амбициозных музыкантов, жаждущих успеха, но пробиться без помощи продюсера сейчас невозможно.

Пианист. А продюсеры там, где можно заработать большие деньги!

Иванов. На попсе.

Пианист. Да! Потому что классическая музыка нужна тысячам, а попса — миллионам...

Скрипач. ...Вот и пришлось делать выбор: или с любимой классикой где-нибудь в симфоническом оркестре шестнадцатым номером, или первым номером, но с попсой. А жить-то хочется сейчас, годы идут. Семьями обзавелись, деток кормить надо. Вот и стали петь-играть всякую ерунду про любовь-морковь. Но зато сразу появился продюсер, началась раскрутка, альбомы, ротация на ТВ и радио. В общем, популярность...

Пианист. ...И деньги. Собираемся, правда, иногда вот так, подальше от чужих глаз, и вспоминаем любимые произведения. Прячемся. Не дай Бог, кто признает, или пресса прознает — вся наша легенда вмиг разрушится. Так что эта квартира у нас тайная. Только здесь или за границей мы можем расслабиться и побыть самими собой.

Скрипач. Надеемся, вы не выдадите нашей тайны?

Иванов. Что вы! Конечно, не выдам!.. Извините, вы сказали, у вас есть семьи?

Пианист. Да. Жёны, дети.

Иванов. Но... Но по телевизору говорили, что вы эти... ну эти...

Скрипач. Голубые, что ли?!

Иванов. Ну да.

Музыканты громко и с удовольствием хохочут. Иванов в недоумении.

Скрипач. Да это просто пиар! Понимаете? Это просто рекламный ход такой. Мы собирались в большое заграничное турне, а там, на Западе, эта тема сейчас очень в моде. Ну вот продюсер и решил запустить такой слух, чтобы привлечь побольше публики.

Иванов (с облегчением). Ах, вот как!

Пианист. Ну конечно. Надеемся, мы можем рассчитывать на полную конфиденциальность?

Иванов. Я ведь уже обещал.

Скрипач. Мы вам верим.

Пианист и скрипач жмут Иванову руку. Иванов выходит из квартиры.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТАЯ КАРТИНА

Иванов снова сидит на верхней лестничной площадке, просунув голову между прутьями ограждения.

Иванов. Жаль, что музыкой раньше не интересовался. А чем я вообще интересовался? Сколько важного прошло мимо и никогда не вернётся. Почему мне всё было безразлично? Сил и здоровья — хоть отбавляй. Ума, таланта тоже не занимать! Не было времени? Да было. Попусту растрачено! Сколько лет пролетело в праздности и лени! За всю жизнь не совершил ничего стоящего, да и не стремился. Жил, будто жёг листки календаря. Хоть на что-нибудь бы тратил силы! Но нет — существовал, сторонясь всего и всех, словно бродил по берегу житейского моря, не решаясь войти в него и поплыть, даже ноги замочить. Что вспомнить? Чем оправдаться? Зла особо вроде никому не делал, но и добра не совершал. А за спиной всё чётче холодок конца и края... Ну что, отхлестал себя по щекам? (*Прислушивается.*) Вон как звенит пустота внутри. Ясно одно: выход из лабиринта надо искать внутри себя. Только там тьма кромешная, беспросветная. И вместо сердца ледышка. Запалить бы свечку, от которой свет и тепло. Да только где же её взять? Ни веры, ни любви. Вот и приходится искать выход из лабиринта на ощупь да

ещё ползком... (*Принохивается.*) Чем это так пахнет... красиво? Селёдка? Точно она! Что же мне есть-то хочется, будто неделю ни крошки во рту не было? А в самом деле, сколько времени я тут сижу, с тех пор, как отобедал у Хозяина? Час? День? Два?

Иванов встаёт и идёт на запах. Утыкается в простую филёнчатую дверь, выкрашенную краской мерзко-землистого цвета.

Иванов. Видно, что живут обычные люди. Может, не откажут в гостеприимстве?

Иванов нажимает на кнопку звонка. Дверь тотчас открывается. На пороге возникает Рыжий. Он подтянут, элегантно одет, вокруг шеи обвит красивый шарф.

Рыжий (*радушно*). Ну наконец-то! Проходи скорее! А где группа?

Иванов. Какая группа?

Рыжий. Съёмочная, конечно!.. Подожди, так ты не журналист?

Иванов. Нет.

Рыжий (*раздражённо*). Тьфу ты! А тогда кто?

Иванов. Иванов. Живу я в этом подъезде. Вы разве меня не помните?

Рыжий. Ивановых у нас, как грязи. Вас всех помнить — головного мозга не хватит.

Из глубины квартиры появляется известный Депутат.

Депутат (*Рыжему*). А ты спинным мозгом поработай, если головным не вышел. Иванов — это же самый что ни на есть простой человек из народа! Ты что, не пускаешь ко мне народ? (*Иванову.*) Проходи давай. Ты откуда, Иванов?

Иванов. Я жил тут и потерялся.

Депутат (*воодушевлённо*). Вот! Народ потерялся и пришёл ко мне, своему народному избраннику, за помощью. (*Рыжему*) А ты не пускаешь. Э-эх! А куда ещё народу податься? Давай-ка накорми его, налей чаю сто грамм. А телевизионщики приедут, так замечательная картинка выйдет — потерявший ориентир народ приходит к своему депутату как к последней надежде. А? Оценил сюжет? Каково?

Рыжий (*без энтузиазма*). Прекрасно.

Депутат. То-то.

Разворачивается на каблуках, уходит в одну из комнат и закрывает за собой дверь.

Рыжий. Ну давай, народный Иванов, располагайся, угощайся.

Рыжий усаживает Иванова за стол, пододвигает к нему тарелки с селедкой, варёной картошкой, домашними соленьями, крупно нарезанной докторской колбасой и кусками чёрного хлеба. Иванов начинает жадно есть. Рыжий достаёт дорогие сигареты и закуривает, с некоторой безгловостью поглядывая на гостя. Наконец Иванов замечает его взгляд и перестаёт жевать.

Иванов. Вы, может, тоже покупаете? А то одному как-то неудобно.

Рыжий. Ещё чего! У меня от этого всего (*показывает на стол*) сразу отравление случится. У нас с шефом ужин в ресторане заказан. Вот отстреляемся с телевизионщиками, так сразу в родимый кабак и рванем.

Иванов. А вот это угощение для кого же?

Рыжий. А вот это, Иванов, бутафория для народа. И квартирка эта задрипанная, и костюмчик на избраннике нашем — фабрики «Красный швец», и пальтишко — дежурное, для митингов и поездок к избирателям. (*Вполголоса в сторону.*) Достал уже шеф своей народностью.

Иванов. А мне показалось...

Рыжий. Тебе показалось. Нет, я понимаю, имидж у него такой: «человек из народа, близкий и понятный избирателям». Но он столько лет просидел в депутатском кресле, что уже давно не знает, как и чем простой народ живёт.

Иванов (*робко*). Но вы-то знаете.

Рыжий. И я не знаю! Но и не скрываю этого. А у него сплошное лицемерие! Надоело всё до одури! (*Спохватывается и сбавляет тон.*) Меня вон сам лидер другой фракции звал в помощники. И зарплата больше, и командировки за границу, а не по региону мотаться. Да я не пошёл. Потому что везде один хрен. А здесь всё-таки партия власти — глядишь, заметят, продвинут, а может, завтра сам депутатом стану. Хотя... станешь с ним, как же!

Иванов. Всё равно не верится. Ну, для виду и еда простая, и одежда дешёвая, и квартира в обычном доме. Но ведь живёт же в ней наш народный депутат. Просто, оказывается, живёт, как все люди.

Рыжий (*еле преодолевая хохот, вполголоса, жестикуюлируя*). Он... тут... живёт!.. Да у него котедж трёхэтажный посреди лесопарка!.. С лифтом! С бассейном на втором этаже!..

Иванов. Почему на втором?

Рыжий. Потому что так ему захотелось — из спальни сразу в водичку, от государственных забот отмокать. А эта квартирёшка у него явочная — он тут народу является! Понял? Эх ты, Иванов-Народный!

Рыжий хохочет. Иванов тоже начинает смеяться, словно внезапно ему отчего-то стало легко. Широко распахивается дверь, появляется депутат.

Депутат. Чего ржёте, как лошади на параде?

Рыжий. Да вот — народ меня смешит.

Депутат. Странно. Обычно народ безмолвствует.

Депутат по-дружески толкает Иванова локтем в плечо и смеётся громко и раскатисто. Рыжий хохочет с шефом. Иванов внезапно замолкает.

Депутат (Иванову). А ты чего?

Иванов. Безмолвствую.

Депутат и Рыжий хохочут снова.

Депутат (утирая слёзы, Иванову). Ну ты молодец, не теряешься. (Оглядев стол.) О! Селёдочка! (Берёт рукой из тарелки огромный кусок и отправляет

его в рот). Вкуснотища! (Рыжему.) Что, не хочешь селёдочку попробовать? Брезгуешь простецкой пищей! Вам фуа гра подавай. (Иванову.) А тебе, землячок, вижу, по вкусу моё угощение?

Иванов. Да, спасибо, очень вкусно.

Депутат. Вот — человек понимает в правильной пище толк!

Рыжий. Пятно!

Депутат. Какое пятно?

Рыжий. На галстук посадили огромное пятно.

Депутат. А-а, ничего. Главное — совесть не запятнать! Я же из простых рабочих, не то, что эти все... И галстук этот у меня старинный, с заводских ещё времен.

Иванов. Явочный.

Депутат. Чего?

У Рыжего в кармане звонит сотовый телефон.

Рыжий. Да. Да! Да ждёт уже чуть не целый час! А вы куда поехали-то? Эдик, ну я же сказал: в квар-ти-ру! Молодцы, что развернулись. Выхожу встречать. (Депутату.) Съёмочная группа через пять минут будет. Они сдуру сначала к вам в коттедж поехали... (прикусывает язык).

Депутат. Гм!.. Иванов, ты насытился?

Иванов. Более чем. Спасибо.

Депутат. Ну вот и славно. Тогда давай-ка до дома, до хаты, а мне со средствами массовой информации поработать надо. *(Рыжему.)* Покажи дорогу.

Рыжий выводит Иванова на лестничную площадку. Они остаются вдвоём.

Рыжий. Про коттедж тебе послышалось. Да и в квартире этой ты никогда не был. Врубился?

Иванов. Как тут не врубиться...

Рыжий захлопывает дверь. Иванов опять один. Он поднимается на верхнюю площадку, занимает свой «пост» за решёткой.

Иванов. Знал я, что политика — дело лукавое, но не до такой же степени. Кто нами руководит! Попался бы этот «рабочий» моим мужикам с участка, мало бы ему не показалось. Какое было прекрасное время, когда я на заводе работал! Какие люди были! Простые и по-настоящему честные. Вот уж где истинная интеллигенция — инженеры и рабочий класс... Правильно всё-таки я сделал, что в пику деду пошёл сначала на производство, потом в армию и только после этого в институт.

Без его протекции. И всё мне удавалось, сил было много, перспективы открывались необозримые... А теперь моё существование сузилось до рамок этого подъезда! Всё знакомое и всё чужое. *(Горько усмехается.)* Я вот уже и разговариваю сам с собой вслух. И вроде бы живой: руки-ноги двигаются, голова работает. А жизни нет. Может быть, я и правда давно уже умер?

Затемнение.

ПЯТАЯ КАРТИНА

Иванов сидит на верхних ступенях лестницы, положив голову на руки, обхватившие колени, и будто бы спит. Внезапно снизу доносятся голоса, шум борьбы. Они нарастают и в итоге будят Иванова. Он поднимается со ступенек, быстро сбегает вниз, но останавливается на полпути. Внизу на сцене появляется Лера, которая отбивается от Рыжего. На этот раз Рыжий похож на только что освободившегося рецидивиста.

Лера. Пусти, гад! Тебе говорю, отстань!

Рыжий. А вот не пущу!

Лера *(вырываясь)*. Да отвали же ты от меня, придурок! Чего тебе надо?

Рыжий. Сама знаешь, чего.

Лера. С тобой? Никогда!

Рыжий. Почему?

Лера. Не хочу — и всё!

Рыжий. А я хочу. И всё-о-о! Ну лан, хорош кобениться.

Лера. Ишь ты, какой шустрый нашёлся! Сказала нет, значит, нет!

Лера вырвалась и побежала, но Рыжий нагнал её и опять плотно обхватил за талию.

Иванов (*спустившись на сцену*).
Оставь её в покое.

Рыжий (*едва повернув голову в сторону Иванова*). Чего? Не понял, кто там вякнул?

Иванов. Ты опять меня не узнаёшь?

Рыжий. Ты кто ваще?

Иванов. Значит, не узнаёшь. Женщину отпусти. Видишь ведь, она в твоих услугах не нуждается. Иди своей дорогой.

Рыжий. Щас, только дорогу расчищу.

Рыжий с размаху бьёт Иванова в лоб. Иванов падает и лежит без движения.

Лера. Ты что натворил, дурак?! Ты же убил его!

Рыжий (*неуверенно*). Да ничё, очухается.

Лера. А если нет? Вали отсюда, пока не замели!

Рыжий. Твоя правда, надо ноги делать. Давай, бывай, ещё свидаемся.

Рыжий быстро уходит. Лера наклоняется над Ивановым и шарит у него по карманам. Находит пятьдесят долларов, подаренных Хозяином.

Лера (*негромко*). О-о, денежка американская. Да ты, мужичок, не бедненький. А по виду и не скажешь.

Иванов стонет.

Живой, мужичок, живой! Вот и молодец. Полежи тут, отдохни, а я пойду, хорошо? Ну, пока.

Лера исчезает. Иванов с трудом садится, держась за голову. Стонет.

Иванов. О-ох. Вот это нокаут!.. А женщина где?

Суёт руку в карман.

А деньги где? Меня что — просто развела эта сладкая парочка? Да вряд ли. Разве по мне скажешь, что у меня хоть копейка есть?

Зрители слышат звон в ушах Иванова. Постепенно звон меняется на тихую, печальную мелодию.

О-ох. Я сошёл с ума — у меня уже музыка в голове играет. Или это от удара? Или просто где-то музыка играет?.. Ба, да это же Шарль Азнавур поёт... про вечную жизнь любви.

Обхватив голову руками, Иванов нетвёрдым шагом двигается к квартире, из которой всё громче звучит музыка, и открывает дверь. Набирает побольше воздуха и кричит.

Хозяева!

Тут же начинает кашлять почти до рвоты. Наконец, зажимает рот и нос и с трудом решается переступить порог. Квартира выглядит, как приют бомжей или наркоманов.

Ну и вонь! Ну и жуть! Как тут можно жить?

Постепенно из полутьмы проступают очертания двух пар, медленно танцующих под музыку, совершенно не обращая внимания на вошедшего Иванова. В глубине квартиры становятся видны грубо сколоченные полатки. На них возлежат люди разного пола и возраста с характерными для обитателей ночлежки

следами порока на одинаково угрюмых лицах.

Прав Достоевский, прав Фёдор Михайлович: ко всему-то подлец-человек привыкает! Вот и меня от здешнего амбре вроде бы уже не очень выворачивает.

Загорается лампочка и выхватывает из тьмы стол, за которым сидят с бутылкой дорогого коньяка двое. Один из них — Рыжий, другой — Бывший интеллигентный человек. Рыжий машет Иванову.

Рыжий. Здравствуйте. Заходите, присядьте. Согреетесь коньячком?

Иванов (*с опаской*). Да я не замёрз вроде.

Бывший интеллигентный человек. А душа? Душе-то ведь зябко!

Иванов. Не без этого.

Бывший интеллигентный человек (*заплетающимся языком*). Но что такое душа? И что такое жизнь? И каждую ли жизнь надо уважать? Мою, например, — за что?

Иванов. Уважать надо любую жизнь. Хотя бы потому, что её дал Бог.

Бывший интеллигентный человек. Уважать — значит, поддерживать или следовать традиции,

идти, так сказать, в русле. Но тогда сам не создашь ничего, ибо всякое новое ниспровергает отжившее, не чтит авторитеты, разрушает привычный уклад. Если бы Коперник уважал систему Птолемея, до сих пор бы Солнце вращалось вокруг Земли. А возьмите Эйнштейна...

Рыжий. Уймись, господин Бывший интеллигентный человек, разрушитель основ! На понятиях всё держится. Если не будет уважения к авторитетам, такой беспредел начнётся, что мама не горюй. А оно тебе надо?

Бывший интеллигентный человек. Что мне надо?

Рыжий. Беспредел! Это страшная штука — когда брат на брата и рвут друг друга, как хотят!

Бывший интеллигентный человек. Эх, жизнь наша... *(Ложится головой на стол и засыпает).*

Рыжий *(закуривая).* Жизнь. А что это такое?

Иванов. Путь, который мы проходим за определённый отрезок времени — от рождения до конца.

Рыжий. Путь, говорите? Время? Думаете, жизнь измеряется временем?

Иванов. Ну а чем ещё? Время — величина постоянная.

Рыжий. Может, вы и правы. Но время — величина постоянная, оно бывает очень изменчивым: то тянется, как учебная четверть в школьном детстве, то летит с неимоверной скоростью. А с высоты прожитых лет само оно кажется лишь скоротечным мигом. Распадается на до и после. Живое время безостановочно бежит вперёд, при этом оставаясь в памяти. Казалось бы, прошлое минуло, отжило, но память отбрасывает тебя назад, и ты чувствуешь, переживаешь точно так же, как в тот миг, когда случилось событие, ставшее воспоминанием. А бывает, что и острее. Время не властно над прошлым, оно отмерило его, и прошлое продолжает жить своей, не зависящей от времени жизнью. Так же живёт и будущее. Только время не добралось ещё до него, не расставило там всё по местам. А вот настоящее не может существовать без прошлого и будущего. Накопленные знания, опыт общения, побед и разочарований формируют у человека сегодняшнее отношение к жизни. Время никогда не останавливается, но может становиться вязким в моменты великих душевных потрясений, например, когда теряешь очень близких людей. Понятно, что нельзя измерить жизнь одним временем, как отмеряем мы километрами путь от пункта А до пункта Б. Чем измерить расстояние от сердца к сердцу, от любви до ненависти и самый длинный путь — от себя к себе?

Иванов. Чем же? Вы знаете ответ?

Рыжкий. Вехами: обретениями, событиями, достижениями, борьбой, предательствами, разочарованиями. Можно продолжать бесконечно. Но, по моему мнению, главное — это встречи! Только ими можно измерить глубину жизни. Встречами и разлуками, слезами и радостью, ссорами и любовью. Глубина жизни определяется тем, сколько и каких было у тебя в жизни встреч с людьми. Больше хороших и любящих людей тебе встречалось — счастливая была жизнь. Подлых и завистливых — мучительная. С тем, кто лучше и выше тебя, поднимаешься, с павшим — и самому не устоять. С кем, как говорится, поведёшься... Иная встреча, пусть совсем короткая, может согревать памятью о ней всю оставшуюся жизнь, наполнять её смыслом, поддерживать в трудные моменты, не давая впасть в отчаяние. Встречи бывают не только с людьми, но и с книгами, фильмами, природой. И главная встреча — с откровением. Состоявшаяся или только ожидаемая.

Иванов. Не ожидал от вас таких философских глубин... Простите (*хватается за голову*).

Рыжкий. Голова заболела? (*приглядывается к Иванову*). Какая гематома, ого-го! Кто вас так приложил?

Иванов. Он не назвался.

Рыжкий. До чего же люди стали злыми и агрессивными. Чуть что — взрываются, как порох. Может, приляжете?

Иванов (*покосившись на полатки*). Да нет, спасибо. Всё пройдет... Агрессия? Да просто жизнь теперь трудная.

Рыжкий. Жизнь трудная, это правда. Но когда она была лёгкой? Проблемы, неудачи, разочарования бывали всегда.

Иванов. Да, конечно. Только раньше, в той нашей прежней жизни, была хотя бы надежда, что они разрешатся. Хотя какая-то уверенность в завтрашнем дне.

Рыжкий. Немного наивно звучит.

Иванов. Да пусть наивно! Но теперь-то проблемы есть, а надежды, что мы их решим, нет! Главное — у людей нет уверенности в завтрашнем дне...

Рыжкий (*усмехаясь и обводя пространство руками*). Ну-у... Завтрашнее дно всегда с нами.

Иванов. Не ёрничайте, пожалуйте... Без этой уверенности нет причины жить! Можно сжать кулаки, затянуть пояса и перетерпеть тяжкий день сегодняшней,

только если знаешь, что завтра придёт облегчение. А если нет, зачем терпеть проклятое сегодня? Нет уверенности в светлом будущем у бедных, но нет и у богатых: слишком непредсказуемо и быстро меняется ситуация. Старики с нищенской пенсией, с болезнями и немощью страдать привыкли. А молодые? Они жить хотят здесь и сейчас! Они стремятся в будущее, подгоняют время. Но что им уготовано? Карьеру сделать чрезвычайно трудно. Получить отдельное жильё, чтобы создать семью, практически нереально. Молодёжь — будущее нации, а если у молодых нет надежды, значит, нет её и у всей страны!

Рыжкий. Я бы не стал так сгущать краски. Вот вы говорите про надежду на завтрашний день. А вы вообще уверены, что он будет? Конкретно для вас? Или для всего мира? Разве вы хозяин своей жизни? Вы способны заглянуть в будущее, изменить его? Не по вашему желанию она началась и не вашим произволением закончится. Вы что — в наследство её получили или в лотерею выиграли? Ложится человек спать и не знает, проснётся ли. Один строит планы, спешит, торопится, а другой не отрегулировал тормоза у своей машины. Встретились на перекрёстке, бац — и все планы порушены! Что зависит от нас, тем более от власти? Да ничего. Все ходим под Богом, и наше будущее и настоящее зависят только от Него. Жить надо сегодняшним

днём. Конечно, надо думать о будущем, строить планы, мечтать. Но надо и помнить, что судьба или промысел Божий, как хотите назовите, реально воздействует на нашу жизнь, вернее, формирует её. Доверяясь промыслу и ощущая в своей жизни благодатное участие, мы обретаем уверенность в себе, в жизни, в торжестве добра. Тогда становится легче переживать испытания в настоящем и с уверенностью ждать будущего. А будущее у каждого своё, и в нём нас ждёт то, чего мы достойны, что готовы принять. Почему вы решили, будто кто-то кому-то должен что-то обеспечивать, гарантировать? Нужно каждому думать самому за себя.

Иванов. А государство? Оно же как раз и существует для того, чтобы защищать своих граждан, обеспечивать их права и свободы, заботиться о стариках и детях. И ведь так было! Мы помним, как раньше государство заботилось о нас: бесплатное образование, бесплатная медицина, детские сады, квартиры...

Рыжкий. На телевидении в брежневские годы не довелось поработать?

Иванов. Простите?

Рыжкий. Вы говорите, как советский диктор в программе «Время». Те же интонации, та же безапелляционность, а на самом деле профанация.

Иванов. Да в чём профанация?! В том, что у нас были социальные гарантии?

Рыжий. Государство тогда многое давало, конечно. Но при этом, поверьте мне, забирало не меньше: веру, свободу, правду. А это превыше всяких ваших социально гарантированных пряников. Хотя и пряников никогда не хватало на всех. Куда как мудрая политика была: сначала отняли всё, затем стали возвращать по крупицам. Ясное дело, народ счастлив — вчера не было ни гроша, а сегодня алтын! И алтын этот кажется огромным даром.

Иванов. Разве теперь лучше?

Рыжий. Нет, конечно, нет. Не хочу я быть судьёй ни власти, ни народу, ни времени, в котором мы живём. Каждый может иметь свои убеждения — и пусть. Нужно спокойно относиться к чужому мнению. А вот с этим у нас проблема. Никто не хочет слушать чужое мнение, тем более мириться с ним. Оно же чужое! Значит, станем биться с ним до смерти. Вместо того чтобы попытаться понять и, может быть, принять. Вдруг мнение-то вполне здоровое и имеет право на существование? Кстати, дух разделения, порождающий ту самую агрессию, во многом оттуда, из нашего прошлого. Как начали саблями страну рубить на белых и красных

в революцию и Гражданскую, так до сего дня не остановимся. Мне кажется, многим нашим согражданам для счастья просто необходимо иметь образ врага — это ж добавляет адреналина в кровь! Чего это сосед поставил машину поперёк двора? Айда шины проколём! А может, у него жена рождает, или дома пожар? Об этом никто не подумал?

Иванов. Вы хотите всех оправдывать...

Рыжий. Хочу. Да, хочу! И считаю это нормальным. Необходимо принять за аксиому, что мир в душе может быть только у человека, живущего в мире с другими людьми. Пытающегося их понять, оправдать, помочь им. Пока не примиримся друг с другом, пока не поймём, что общественное согласие важнее личных убеждений, что никого нельзя насильно сделать своим единомышленником, что невозможно бесконечно плодить врагов, не будет счастья в нашей стране.

Иванов. Страна может быть сильной, только когда счастливы её граждане. А разве могут быть счастливыми люди несостоявшиеся, лишённые надежды на будущее?

Рыжий. Счастье — понятие относительное. Оно зависит от времени года, от природных явлений,

состояния здоровья, финансового благополучия, взаимоотношений с людьми и многого другого. Для кого счастье — вилла на взморье, яхты, дорогие машины. Для кого — власть, слава, успех. Кому-то взаимной любви довольно. А кто-то счастлив служить другим, бывают и такие. Но, на мой взгляд, счастье — это внутреннее состояние человека. Мир с самим собой. Знал я людей известных, популярных, богатых, добравшихся до вершин власти. Казалось бы, чего ещё желать? Но тогда почему они искали забвения в пьянстве, наркотиках и других пороках, губили свою жизнь? Многие заканчивали вольным или невольным самоубийством. За всё нужно платить. Себя не обманешь. Сколько ни пытаешься усыпить совесть, сделать это невозможно. Наступает момент, когда её голос везде следует за тобой. И здесь только два пути: или в петлю, или покаяние.

Иванов. Покаяние?

Рыжий. Да. Покаяние — единственный путь очистить совесть и примириться с Богом, с ближним и с самим собой. Удивительный парадокс — нельзя обрести мир с самим собой, не примирившись с Богом. В Евангелии сказано: «Придите ко Мне все труждающиеся и обременённые, и Я успокою вас». То есть дам мир душам вашим.

Иванов. Вы читали Евангелие?

Рыжий. Что вас так удивляет? И не только Евангелие. Я многое читал и знал когда-то. Теперь, конечно, многое забыл, пропил. Раньше у меня была совсем другая жизнь. Окончил институт международных отношений, работал собственным корреспондентом нашего телевидения за рубежом. Находился, так сказать, на переднем крае идеологической борьбы. Загранкомандировки, телесюжеты из Лондона, Нью-Йорка, Парижа, дом — полная чаша, куча высокопоставленных друзей. Жизнь прекрасна!

Иванов. Не могу сказать, что ваше лицо мне знакомо.

Рыжий. Не вглядывайтесь, узнать меня трудно — годы и количество выпитого сделали своё, и я сам себя порой не узнаю. Так вот, я свято верил в идеалы, которые нёс с экрана. В отличие от многих своих коллег, говорил только то, во что верил, и верил в то, что говорил. А потом всё рухнуло: страна, идеология, телевидение, которое я любил. И семья развалилась в итоге. Но даже потерю работы и семьи я не так сильно переживал, как крушение идеалов. Люди, на примерах которых я вырос, оказались совсем не героями, а наоборот — полными упырями. Преступниками, во-рами, безжалостными убийцами,

растлителями. Это был сокрушительный удар, от которого я до сих пор не оправился. Бывшие друзья и приятели начали как-то устраиваться. Удивительные трансформации стали происходить с людьми. Певцы советского строя вдруг оказались чуть ли не диссидентами, всю жизнь прожившими на борьбу за свободу, и начали хаять всё, что раньше превозносили. Ярые борцы с капитализмом заделались эксплуататорами. Зарубежные гости заскользили по коридорам власти. Те, кого считали, и не без основания, врагами, вдруг оказались главными советниками на самых высочайших уровнях. Бандиты с насиженных нар переселились в шикарные офисы...

Иванов. Понимаю — противно...

Рыжий. Именно! Противно было на всё на это даже смотреть, а не то чтобы участвовать. Жить в таком мире стало тошно, захотелось куда-нибудь спрятаться. За границу уезжать не стал, хотя вполне мог там прекрасно устроиться. В монастырь уйти — веры не хватало. Остался только алкоголь. Пошел проторенным путём русской интеллигенции. И смысла жить по-другому не вижу. В один прекрасный день выкинул записные книжки и телефон, вытащил замок из двери и стал жить, как Бог на душу положит. Ем, пью, что люди принесут. Вон их сколь-

ко, скитальцев. Всех пускаю, платы не беру, но если кто поставит бутылочку, не отказываюсь.

Иванов. И вы считаете себя счастливым человеком?

Рыжий. Разве не видно? *(Пауза.)* Конечно, нет. Если бы у меня был покой внутри, разве бы япил горькую? Хотя, знаете, по-разному бывает. Иногда думаю, что я счастливее, чем в той, другой жизни. Чаще, правда, чувствую себя Иудой, предавшим что-то главное в себе. Покинувшим поле боя солдатом, что залёг в подполе у сердобольной старухи. Сидеть в погребке уже невыносимо, но и на свет Божий показаться — срам.

Иванов. А как же покаяние?

Рыжий *(тяжко вздыхает)*. «Покаяния несть во мне». Сложный вопрос. Каюсь, вроде, каждый день, а сделать решительный шаг, пойти на исповедь не решаюсь. Покаяние — это не только признание своей вины, но и твёрдое решение изменить свою жизнь. Не то чтобы я не мог бросить пить. Боюсь! Спадёт защитная пелена с глаз, и что станет с моей душой? Содрогнётся от ужаса. Да и поздно мне уже меняться. Лучше уж с этими странниками и бродягами. Одна надежда: может, согрею кого из них, и мне Господь что-нибудь простит.

Иванов. А что за люди?

Рыжий. Да кто их разберёт?! Паспорта не проверяю. Не я им судья, не я прокурор, и не я адвокат. Что спросят — отвечу, кто расскажет — послушаю, а в душу не лезу.

Иванов. Не боитесь постояльцев?

Рыжий. Чего мне их бояться? Красть у меня нечего, всё, что было, давно продал, пропил или украл. Убьют? Это вряд ли. Да и всё в руках Божиих, когда-то же придёт помирать...

Дверь в квартиру распахивается. Входит Лера.

Лера. Привет, мальчики! Хорошо сидите?... Ой!..

Лера узнаёт Иванова и пытается сбежать. Иванов кидается вдогонку. Оба выскакивают на лестничную площадку.

Иванов. погоди! Стой!

Иванов догоняет Леру этажом выше. Крепко обхватывает за талию.

Попалась!

Лера. Отпусти немедленно!

Иванов. Вернёшь деньги — отпущу.

Лера. Какие деньги? Вы что, мужчина?

Иванов. Пятьдесят долларов, которые выгащала у меня из кармана.

Лера. Какие доллары? Уйди, больной! Ничего не брала, тебя вижу в первый раз. (Продолжает вырываться.) Нни-че-го не дока-ажешь, свидетелей нет! Отвали-и!

Иванов. Верни деньги по-хорошему.

Лера (*перестает сопротивляться.*) Слушайте, мужчинка, может, договоримся полюбовно?

Иванов. Как это?

Лера. Не понимаешь? Ты что, маленький? Объяснять надо? Короче, денег твоих у меня уже нет, могу отработать долг по-взрослому. Только я без спецодежды не буду! У тебя есть «изделия»?

Иванов. Нет.

Иванов отпускает женщину и делает три шага назад.

Лера. Так, может, подождёшь, пока я сбегаю?

Иванов молчит.

Лера. Что, чистюля такой?

Иванов. Какой есть. (*Садится на ступеньки.*) Иди куда шла.

Лера. Ну и сиди здесь один, как дундук. Пока, малахольный!

Лера уходит. Затемнение.

ШЕСТАЯ КАРТИНА

Иванов сидит наверху, за решёткой.

Иванов. Почему у меня никогда ничего по-человечески не получается с женщинами? Я их обожаю, превозношу, боготворю. Влюбляюсь глубоко, на всю жизнь. А им это не нужно. Им как будто нужна только сила. И не важно, взял ты женщину силой, или властью, или деньгами. Всё равно — покажи силу, и она твоя. Мерзко. Поэтому и не делаю первого шага. Жду, что Она догадается сама о моих чувствах. А Она догадывается редко. И едва догадается, как Её прекрасный образ начинается тут же разваливаться на части: то возлюбленная водку хлещет стаканами, то тупит, то пошлит, то просит денег «на колготки» или долг заплатить. Понимаю, мы все материальны, все хотим есть-пить-спать. Но где же тогда любовь? Чего ради мне сблизиться с этой вот конкретной, реальной девушкой, женщиной, если она при мне может выmaterиться, как извозчик, или сплевать на тротуар?

Значит, не так уж я важен для неё? Значит, она, прекрасная, воздушная, — просто фантазия моего измученного одиночеством разума? Как и моя единственная жена? Она у нас на заводе была инженером ОТК. И однажды в новогоднюю ночь сидели мы тесной компанией за столом... Вот не то чтобы она была красивой, а тянуло меня к ней. И утром, когда проснулся с ней рядом в постели, понял: и её ко мне тянуло. И уже Восьмое марта мы встречали как муж и жена. Прожили вместе целых пять лет. А потом всё рухнуло: сначала страна, потом завод, и последней развалилась наша семья.

Иванов спускается по лестнице и толкает первую попавшуюся дверь. Входит в квартиру. Сцена поворачивается, и зрители видят комнату, заваленную клетчатými сумками, в которых торговцы «челноки» возили свой товар. У стены стоит поместительный платяной шкаф.

Вот в этом самом шкафу всё и произошло. Всё и выяснилось... После развала страны я на заводе организовал кооператив. Делали всё то же, что и раньше, и даже немного больше, только продавали не государству, а кому попало: и гражданам в розницу, и первым коммерсам оптом. А ещё гнали отходы производства за границу. В этих отходах и таились главные

доходы: серебро, золото, платина, редкоземельные металлы. Просто у нас в стране никто не знал, как их выковырять из курганов, образовавшихся на территории завода. А за кордоном знали! И с руками отрывали эшелоны «шлака», как числились эти вагоны на таможене... Главное — деньги появились. Было на что жить. Да, жили мы хорошо, но недолго. Однажды пришли крепкие ребята с бритыми черепами и заявили, что наше теперь не наше, а некоего Антона Артуровича. Я попытался задавать вопросы, но получил в ответ только пару ударов в зубы и рекомендацию собрать манатки в течение часа... Если бы не жена... Она занялась торговлей, самой простой челночной торговлей: Турция — Китай — Польша. Тряпки покупала за копейки там, за рубли продавала здесь. Я ей помогал, ну и подрабатывал где мог. Так мы и выживали. Но однажды бес забрался мне в голову и начал зудеть: «А что это за чернявый добрый молодец вьётся вокруг твоей жены? Что-то ему надо, кроме тряпок, от неё!» И тогда я от беспросветной ревности залез в шкаф. В этот самый шкаф, чтобы проследить за ней. И за ним! Вроде как ушёл на биржу труда, а сам — в шкаф. Туда, где обычно прячутся любовники, забрался я, муж!

Иванов залезает в шкаф, закрывает за собой дверь. Вскрывает

квартиру входит Жена Иванова, очень похожая на Леру. Раздаётся дребезжащий звонок чёрного эбонитового телефонного аппарата сталинских времён.

Жена Иванова (*снимает трубку*). Иванова, слушаю. Да, Катя... Ну мы же договорились — снимаем место возле мясного павильона. Как возле «Овощей-фруктов»? Да там же после обеда вонь страшная от гнилья! Кто это решил? Директор рынка? Сволочь! Да не ты, а он! Я же этой твари двести баксов на лапу дала за место!.. Мало? А сколько надо? Ну скоти-ина! Да успокойся — не ты, а он! Ладно, сегодня я уже на рынок не вернусь, завтра решу. Чем решу? Да хоть натурой. Не твоя забота. Всё, пока.

Звонок в дверь. Жена Иванова идёт открывать. Возвращается с Гиви Арсеновичем, в руках у которого букет цветов и бутылка шампанского. В этот момент дверца шкафа злобно скрипит.

Гиви Арсенович (*протягивает подарки Жене Иванова*). Цветы и вино — моей обожаемой даме!

Жена Иванова. Гиви Арсенович, Восьмое марта прошло, до Нового года далеко — в честь чего дары?

Гиви Арсенович. Ай, какие это дары?! Просто не могу к такой

красивой женщине приходится с пустыми руками.

Жена Иванова. Спасибо. Извините, не приглашаю за стол — очень много работы.

Гиви Арсенович. Вы меня простите, что пришлось побеспокоить дома, но вы мне продали майки-футболки...

Жена Иванова. Какие майки? Какие футболки?

Гиви Арсенович. Три... Нет, четыре месяца назад продали турецкие майки. Футболки. Они половина с дырками! Под мишка! (*Показывает на подмышку.*)

Жена Иванова. И вы только сейчас это заметили? А может, у них подмышки погрызли мышки? Вы же товар на бывшем хлебоприёмном пункте храните. Мышей там много. Так что не надо мне выкапывать эти предьявы!

Гиви Арсенович (*от волнения начинает говорить с сильным акцентом*). Какой хлебоприём? Какие миши-крысы? Это брак! Пятьдесят процент брак. Неустойка с вас по договор.

Жена Иванова. Вы, Гиви Арсенович, договор хорошо читали, когда подписывали? Претензии по качеству принимаются в течение месяца. Дальше — ваши проблемы.

Гиви Арсенович. Нет, дорогая, это наши общие проблемы!

Жена Иванова. Общего у нас с вами — Центральный рынок. Всё. Претензии принять не могу. Не хотите со мной работать — удачи с другими поставщиками.

Гиви Арсенович (*укоризненно*). Э-э-э... Ну хоть маленькую неустойку, а?

Жена Иванова (*распалаясь*). Гиви Арсенович, вы же умный, немолодой уже человек. А такую хрень потеряете! Знаете же прекрасно: не за что мне вам неустойку платить. На арапа решили взять? Не выйдет. Извините, устала я, а мне ещё квартальный отчёт для налоговой делать. До свидания. Дверь захлопните.

Гиви Арсенович (*безнадёжно*). Э-э-э...

Гиви Арсенович уходит. Жена Иванова садится за стол и начинает работать с бумагами. Иванов тихо приоткрывает дверцу шкафа и выскакивает наружу.

Иванов (*радостно*). А вот и я!

Жена Иванова падает со стула на пол и лежит неподвижно. Иванов бросается к ней, тормозит, бьёт по щекам, целует.

Милая моя! Что с тобой? Милая,

ты что? Ты как? Я сейчас, сейчас «скороу»...

Иванов бросается к телефону, трясущимися руками набирает номер на диске. Жена Иванова медленно поднимается с пола, сгребает бумаги со стола, затихивает их в женскую сумочку и уходит, не повернув головы в сторону Иванова. Пока она идёт к двери, бумаги выпадают из сумки, но она этого не замечает.

Ми... Милая!..

Иванов выскакивает на лестничную площадку. Она пуста. Он некоторое время стоит, а потом медленно совершает восхождение к своей решётке и садится на пол, обхватив руками прутья.

Она не вернулась. Больше я её никогда не видел... Но и не пытался найти, понимая, насколько я глуп и несовершенен... (Пауза.) Бог сотворил совершенный мир и бессмертного человека в качестве мудрого управителя его. А тот, отпадая от Бога, начинает изменять окружающий мир, разрушая гармонию, этим уничтожая мир. Достичь гармонии человека с миром невозможно без Бога. Значит, Бог есть! Он, создав мир из ничего, продолжает управлять им и каждой тварью в нём. И моей жизнью тоже? Хочу верить и боюсь ошибиться. Если моей

жизнью управляет Бог, наимудрейший и всесовершеннейший, почему я здесь? Что это — проклятие Божие или посланное Им испытание? Ошибка судьбы или проигрышный жребий? Насколько моя жизнь зависит от моих действий, и что есть воля Творца? О каждом из нас есть промысел Божий, но мы сами вольны выбирать свой путь. Человек сам отвечает за то, как проживает собственную жизнь. Он ответственен перед всеми: собой, близкими и Богом. Как использовал полученные дары, чем приумножил, что в сухом остатке. За всё будет держать ответ. То, что торчу в этом пустом подъезде и не могу найти выхода, — не наказание, но вразумление. Ещё один дар долготерпения Божия. Видя, как погибаю в пустоте моих дней, Господь протянул руку помощи, открыл разум к изменению жизни...

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ СЕДЬМАЯ КАРТИНА

В подъезде раздаётся отчаянный вой. Иванов идёт вниз, на звук. На ступеньках сидит мужчина зрелого возраста — Профессор — и, горько рыдая, раскачивается, как маятник.

Профессор. Зачем? За что? Разве я хотел чего-то плохого? Куда мне теперь?

Иванов. Вы потерялись?

Профессор. Угу.

Иванов. Ну ничего, это не так ужасно, как может показаться. Я вот тоже не могу найти свою квартиру, и ничего, живу как-то...

Профессор. Где моя квартира, я прекрасно знаю, вон она (*показывает в сторону одной из дверей.*) Я семью потерял! (*Рыдает.*)

Иванов. С вашей семьей случилось... непоправимое?

Профессор (*нервно*). С чего вы взяли? С ними всё хорошо.

Иванов. Ну так и слава Богу! Что же вы расстраиваетесь?

Профессор. Непоправимое стряслось со мной... Видите ли, я экономист, доктор наук, профессор университета, одновременно руковожу консалтинговой фирмой, небольшой, но весьма доходной. У меня прекрасная жена, с которой мы прожили почти тридцать лет, двое сыновей, оба женаты уже, внуков народили.

Иванов. Могу только позавидовать тому, как у вас всё прекрасно сложилось. А что же произошло? Отчего вы тут?

Профессор. Я влюбился! Да, словно мальчишка, до умопомрачения! Как это ни банально,

влюбился в молоденькую студентку. Ума не приложу, почему это могло случиться со мной! Ты-ся-чи! Тысячи студенток выучились за время моей педагогической практики, и никогда ничего подобного со мной не происходило. Всю жизнь я очень сильно любил свою жену и об измене даже не помышлял. А тут, как наваждение, затмение рассудка!

Иванов. С кем не бывает — седи-на в бороду...

Профессор (*дрожащим голосом*). Не-ет, вы не понимаете. Это не какое-нибудь приключение — это настоящее, очень сильное чувство, это любовь с первого взгляда! Я и не верил, что такое бывает. Большую часть времени я отдаю работе в фирме, а в университете нагрузка у меня небольшая. Преподаю, чтобы не потерять форму, оставаться в тонусе, так сказать. В вузе особая, ни с чем не сравнимая атмосфера. От студентов подпитываешься зарядом энергии, молодости, бесшабашности... И общение со своим братом учёным весьма полезно: надо быть в курсе современных тенденций в науке. Нигде не успеваю катастрофически, везде бегом-бегом. Прочитал лекцию, принял зачёт — и бегом на другую работу. В этой суеде студентов запоминать нет никакой возможности. Они существуют как единая масса. Не безлика, но вникать в

личность каждого нет возможности... А её-то я сразу выделил из всех. Была ранняя весна. Солнечные лучи согревали землю, снег начинал только подтаивать, ещё не превратился в слякоть, воздух наполнялся ароматом свежести и чистоты. Люблю в такую погоду пешие прогулки — просто так, без цели и смысла. Идёшь и ни о чём не думаешь. Такая бодрость в теле и надежда в душе! Так было и в тот день. И вот в таком состоянии души я вдруг увидел её. Она опоздала, тем и обратила на себя внимание. Влетела в аудиторию, как ангел: рыжие волосы в сиянии солнечных лучей, лёгкая, словно летящая по весеннему воздуху. И этим воздухом мне вдруг стало трудно дышать... Но о шагах к сближению я даже не думал, что вы! Если бы не случай. Еду как-то на машине, дождик льёт. Смотрю: она, мой ангел, бежит, перепрыгивая через лужи, намочла вся. Остановился, предложил подвезти. Она согласилась, села в машину. И я поехал — и вот до сих пор не могу остановиться!

Иванов. Так хороша?

Профессор. Нет слов, как хороша! Понимаете, я таких в своей молодости не встречал. А может, не находил в себе сил ухаживать за такими ангелами, не верил, что я их достоин. И вдруг вот это нежное, голубоглазое, рыжеволосое создание мне говорит, что любит!

Мне, старому идиоту! А какой она прекрасный, чистый, светлый человек! Скромная, не испорченная, не капризная. Очень выгодно отличается от этих современных дерзких, незакомплексованных девушек. Я её люблю! Люблю просто безумно. Мне с ней интересно, радостно — счастливо, одним словом. Каждая наша встреча — как праздник, расставание — пытка. Я с ней будто заново родился. Вдруг открылось столько нового и неизведанного в жизни и во мне самом. Такая, оказывается, во мне сохранилась бездна нерастраченной нежности!

Иванов. Ну и не расставались бы.

Профессор. А жена? Я ведь и её тоже очень сильно люблю! Мы с ней счастливо прожили три десятка лет. Понимаем друг друга без слов, до мельчайших подробностей друг друга изучили, чувствуем боль один другого на расстоянии. Сколько всего пережито вместе! В самые трудные моменты жизни она оставалась рядом, была мне опорой. Наконец, у нас дети, внуки, друзья, общие воспоминания. Как с этим расстаться?

Иванов. Да уж. Замкнутый круг.

Профессор. Безвыходная ситуация! С женой тоскую по той, другой. А когда с ней, тянет неимоверно к жене, домой! Там бросить не могу, и отсюда уйти

невозможно. Всех сделал несчастными. Понимаю, что только один я виноват во всём, но как изменить ситуацию — не знаю.

Иванов. А жене о вашем романе известно?

Профессор. Теперь да. Сами понимаете, не от меня, я никак не мог решиться. Но мир не без добрых людей. Конечно, стукнули. Она только спросила, правда ли это. Я кивнул.

Иванов. И что, не отпускает?

Профессор. Она-то отпускает. Я уйти не могу! Ни слов от неё, ни слёз, молча собрала мои вещи, и вот я здесь, под дверью, как выкинутый на улицу котёнок.

Иванов. Да уж, положение...

Профессор (*опять закачался маятником*). Что делать? Что делать?

Иванов. Раз выгнали, так, может, теперь со спокойной душой пойти к любимой девушке?

Профессор. Да разве я смогу забыть жену? Буду страдать и только мучить этим её, молодую, нежную. Ничего радостного я ей сейчас не смогу принести.

Иванов. Ну тогда вернитесь домой, попросите прощения.

Профессор. Как я могу просить

прощения, если понимаю, что опять меня потянет к другой, а теперь, зная о её существовании, жена будет страдать вдвойне.

Иванов. Куда ни кинь — везде клин... А может, не возвращаться ни к одной?

Профессор. То есть как?

Иванов. Если невозможно выбрать, так может, и не выбирать? Поживите отдельно от всех. Есть где?

Профессор. Да, есть дача за городом.

Иванов. Вот и поезжайте туда на время. Надо скрыться от всех, ни с кем не встречаться, даже не звонить. Пусть сердце отдохнёт, а потом само выберет, кого оно больше любит.

Профессор. Да, наверное, вы правы, надо абстрагироваться от ситуации. Съеду на дачу, и как раз мне надо скоро в командировку за границу на две недели, а там поглядим.

Профессор оживлённо вскочил, благодарно пожал руку Иванову и засеменил вниз. Иванов продолжает сидеть на ступеньках и размышлять.

Иванов. Странная штука любовь. Казалось бы, несёт свет и радость, возвышает человека, и вдруг такая боль и такие страдания!

Многообразна любовь! Ради любви совершали великие подвиги, открывали континенты, покоряли горы, сочиняли лучшие произведения. И ради неё безжалостно убивали соперников, предавали друзей, совершали множество преступлений. Каждая предназначенная судьбой встреча — заоблачное переплетенье душ и фейерверк чувств в лавине счастья. И каждая супружеская измена — снежный ком скандалов, сплетен, ненависти и душевной нищеты. Одно и то же чувство делает одних и тех же людей невероятно счастливыми и безгранично несчастными. Может быть, всё оттого, что люди извратили сам смысл слова «любовь», саму суть этого великого чувства, низведя всё до уровня одних эмоций? Любовь — это не только радость общения и обладания, но и ответственность, и верность до подвига. Влюблённость и страсть скоро проходят и часто разрушают брак. А если гармонично перерастают в любовь-привязанность, не только сохраняют семью, но и открывают новые, неизведанные грани супружеской жизни. А вот я свою семью сохранить не сумел. И детей мы с женой завести не успели...

ВОСЬМАЯ КАРТИНА

Сверху по ступеням спускается Учёный и останавливается возле Иванова.

Учёный. Вы себя хорошо чувствуете?

Иванов (*вздрыгнув от неожиданности*). Что? Да. (*Пауза.*) Хотя — нет.

Учёный. Может, я могу чем-нибудь помочь?

Иванов. Ничем вы мне помочь не можете. Это не по силам никому. Понимаете, я потерял свой дом. Вот брожу по этому подъезду и не могу найти родного жилища. Да и не только его. Кажется, я потерял что-то самое главное в своей жизни.

Учёный. Так вы мой клиент! По-моему, я знаю, что вам нужно. Давайте зайдём ко мне, и я всё объясню.

Иванов и Учёный входят в квартиру, которая напоминает компьютерный склад. Вся техника, соединённая между собой переплетающимися проводами и кабелями, работает, мигая лампочками и жужжа кулерами. На авансцене стоит кресло.

Я, конечно, не маг и не волшебник, но кое-что могу вам предложить. Садитесь, пожалуйста, в кресло.

Иванов (*сядась*). Вы часом не экстрасенс?

Учёный. Ни в коем случае. Я программист. Самый обычный программист.

Иванов. И у вас есть программа, чтобы мне помочь?

Учёный. Именно так — есть специальная программа...

Иванов. Ну вы даёте! (*Пытается встать.*)

Учёный. Подождите (*усаживает Иванова обратно*). Выслушайте меня! Я пишу разные компьютерные программы. Компьютер, великое изобретение человека, похож на своего создателя в области мыслительной деятельности. Постоянно совершенствуюсь, и процессоры, и программное обеспечение продвигаются к созданию искусственного разума, подобного человеческому или даже превосходящего его.

Иванов. Это, конечно, интересно. Только я не пойму, как компьютер может помочь мне сейчас.

Учёный. Не сам компьютер, а программа, которую я создал. Я много занимался компьютерной памятью, проблемами сохранения и восстановления информации. Вот и подумал однажды: а что если попробовать использовать элементы компьютерной программы для воздействия на сознание человека? Начал изучать физиологию, строение головного мозга, психоанализ. В общем, провёл большую работу на стыке многих наук. В итоге мне удалось создать программу, которая помогает восстанавливать человеческую память.

Иванов. Верится с трудом.

Учёный. Ну да, я пока ещё нахожусь на стадии эксперимента, продвинутых опытов, так сказать.

Иванов. Есть хоть какие-нибудь результаты?

Учёный. Окончательные выводы делать ещё рано... Но результаты есть: у склеротиков память улучшается, больные амнезией, с которыми я работал, вспоминали своё прошлое. Кроме тех, конечно, кто просто косил под потерю памяти. Бывают и самые неожиданные случаи.

Иванов. Какие случаи?

Учёный. Люди вспоминали то, чего с ними никогда не происходило.

Иванов. Как это?

Учёный. Пусть не все, но многие, случается, проходят мимо чего-то самого важного в жизни. Не решаются на поступок, выбирают неверное направление, идут на сделку с совестью. Всё это мешает им быть самими собой, занять подходящее место, сделать открытие. Как в сказке: стоит человек на распутье и решает, куда идти. Налево пойдёшь — костей не соберёшь, направо — удачи не жди, а прямо — лучше бы совсем

не родиться. Сколько людей ошиблось, выбирая неверное направление! Так вот некоторые пациенты вспоминают, когда и куда им нужно было свернуть.

Иванов. И что?

Учёный. А то, что у некоторых появляется возможность вернуться и изменить свой путь. Ведь пока человек жив, всегда остаётся шанс.

Иванов. Хорошо, я согласен стать вашей очередной морской свинкой. Что нужно делать?

Учёный. Ничего особенного. Устраивайтесь поудобнее, а я закреплю у вас на голове датчики, которые будут излучать волны на участки мозга, отвечающие за память. Расслабьтесь, закройте глаза и внимайте.

Учёный закрепляет на голове Иванова датчики, подключает их множеством проводков к компьютеру.

Ну что — готовы?

Иванов. Готов.

Учёный. Включаю.

Учёный, глядя на экран монитора, кликает мышкой, делает несколько шагов в глубину сцены и скрывается в темноте. На авансцене остаётся Иванов

в кресле. Немного поёрзав, он находит удобную позу, расслабляется и закрывает глаза. На заднике медленно разгорается экран, на нём зритель видит картины, появляющиеся в мозгу Иванова.

Большой луг — разноцветье трав, залитое солнечным светом. Среди высокой травы мальчик лет шести в белой майке и шортах песочного цвета гоняется с сачком за бабочками. Мальчик всем своим видом излучает счастье. Когда ребёнок поворачивается к зрителям лицом, Иванов вздрагивает от неожиданности.

Иванов. Это я?! Когда и где это было?

На луг выбегает девочка, она года на два помладше мальчика. Дети вдвоём бегают и резвятся на лугу, плетут венки из цветов. Им хорошо вместе.

А кто эта девочка? Она словно бы похожа на меня. Но у меня никогда не было сестры, даже двоюродной! Меня что — обманывали всю жизнь? У мамы я точно единственный ребёнок. Неужели отец прижил дочку на стороне?

Прекрасный луг начинает меняться. Внезапно налетевшие тучи закрыли солнце, подул сильный ветер, пригибая траву

и цветы к земле. Вот-вот прольётся дождь. Небо озарили первые всполохи грозы. Дети в ужасе замерли посреди луга.

Бегите скорее домой! Спасайтесь!

Первые крупные капли дождя привели мальчика в чувство, он схватил сестру за руку и потянул за собой — к краю луга, где растёт огромный старый дуб. Дети бегут к нему, чтобы спрятаться под его кроной от дождя. Небо озаряется яркими вспышками молний, вода лавиной обрушивается на детей.

Только не туда, не под дерево! В него ударит молния!

Но дети продолжают что было сил бежать к дубу под струями ливня. Мощный разряд небесного электричества озарил луг и лица детей, повернувшихся к Иванову.

Это же мои дети! Мои неродившиеся дети!

Дети добегают до дуба и прячутся под его ветвями. Ещё один сильный разряд озаряет небо, молния входит в землю совсем рядом с деревом.

Осторожно! (Пытается вскопчить.)

Учёный подбегает к монитору и выключает программу. Экран на заднике гаснет.

Учёный (*удерживает Иванова за плечи*). Осторожно! Вы ломаете мне всю аппаратуру! Успокойтесь, это всего лишь сон.

Иванов. Там же дети в опасности!

Учёный. Придите в себя! Какие дети? Где «там»? Вам всё пригрезилось, это был лечебный сон, эксперимент по восстановлению памяти. И, как я понимаю, он удался.

Иванов (*успокаиваясь*). Более чем. Ваша программа замечательно работает.

Учёный. Что-то увидели?

Иванов. Как вы и говорили — самое важное событие, мимо которого прошёл в жизни. Спасибо вам огромное! Если бы не ваша чудо-техника, так бы и провёл всю жизнь в неведении. Прошу прощения, но мне сейчас нужно побыть одному.

Иванов, словно сомнамбула, выходит за дверь, поднимается на один лестничный пролёт и занимает привычное своё место для размышлений.

ДЕВЯТАЯ КАРТИНА

Иванов (*почти рыдая*). Виноват! Виноват! Виноват! Перед неродившимися детьми своими виноват: не позволил им жить, радоваться свету солнца, дру-

жить, любить, творить и верить. Перед собственной женой виноват: не дал ей возможности испытать самое главное в жизни женщины чувство — материнство. И даже если она не сильно хотела стать матерью, то это всё равно моя вина! Значит, не видела во мне надёжной опоры, настоящего главу семьи, способного окружить близких людей заботой. Виноват перед бабушкой и дедом, перед родителями: некому будет хранить воспоминания о них и полоть траву на их могилах. Виноват перед прошлым и будущим, потому что разорвал цепь событий. Не может дерево расти без корня, и корень не плодоносит без ствола и веток. А если дерево, даже имея корни и ствол с ветвями, не приносит плода, зачем оно? Виноват перед небом и землёй, ветром и дождём, солнцем и луной, лесом и травой. Перед всем миром — виноват! Ибо если человек не будет рождать себе подобных, мир перестанет быть...

На лестнице появляется Лера.

Лера. Вот он! Ищу, понимаешь, его по всему подъезду, а он тут посиживает себе спокойненько и в ус не дует!

Иванов. Это ты? Не ожидал.

Лера. Я сама от себя не ожидала, что буду бегать за мужиком по ступенькам.

Иванов. Кстати, с чего бы вдруг?

Лера (*смущённо*). Ну это... Вот, возьми свои деньги.

Иванов (*печально*). А говорила, не брала.

Лера. Да я, может, их на площадке нашла. Ты, может, их сам обронил...

Иванов (*не дослушав, поворачивается к ней*). Скажи, а почему ты всё-таки решила их вернуть?

Лера. Решила и решила. (*Помолчав.*) Просто показалось, что ты не такой, как все.

Иванов. А какой?

Лера. Да ну тебя! На, забери свои деньги. Бегаю тут за тобой, а ты вроде и не рад.

Иванов (*прячет деньги в карман*). Да я рад. Только не деньгам, а тебе... Встретить тебя рад.

Лера (*смущённо*). Скажешь тоже...

Молчат. Иванов исподволь пытается получше рассмотреть Леру.

Ну что, я пойду?

Иванов. Скажи, а у тебя дети есть?

Лера. Нет. А что?

Иванов. А хотела бы завести детей?

Лера. От кого?

Иванов. Да какая разница, от кого! В принципе — да или нет?

Лера. Что значит «завести»? Дети же не моль, сами собой не заводятся.

Иванов (*разочарованно*). Понятно.

Лера. Да что тебе понятно? Это же серьёзное дело! Сначала надо всё хорошенько обдумать. Где жить, на что жить, как жить? А главное — с кем. Знаешь, как бывает: наобещает какой-нибудь ухарь золотые горы, а после, стоит только ребёночку в тебе шелохнуться, тут же в кусты. Мол, наше дело — не рожать...

Иванов. А если со мной, к примеру?

Лера (*нерешительно*). С тобой? Жить? Смеёшься, что ли? Ты посмотри на себя и на меня.

Иванов. Да, понимаю. Но я же не всегда был...

Лера (*перебивает*). Тебя ведь за версту видать — порядочного, умного. Ты вон даже заступился за меня перед этим кобелём. Просто так заступился. Потому что я

женщина, а ты мужчина, значит, защитник. Тебя же чуть не убили из-за меня! А я? Ты же не знаешь, какая я. Ты же меня через неделю выгонишь! Нет уж, спасибо. Пойду я.

Лера встаёт и начинает спускаться по ступенькам.

Иванов. Я знаю, какая ты. Ты красивая.

Лера замедляет шаг.

Ты хорошая и добрая. Ты сострадательная, какой и должна быть настоящая женщина.

Лера останавливается.

Я вижу, что ты умеешь любить. Что ты будешь любить детей.

Лера. Чьих детей?

Иванов. наших! Может быть, однажды и меня полюбишь.

Лера. А ты?

Иванов. Что?

Лера. Ты меня полюбишь?

Иванов. Ты мне... нравишься. Очень. Если бы с самого начала, с того самого первого раза, когда я тебя увидел, ты мне не понравилась, мы бы здесь... В общем, ничего бы сейчас не было. А ты ведь тогда меня пожалела.

Лера. Правда, что ли?

Иванов. Ты тогда сказала — «бедненький». А мне и это уже очень много. Я много лет ни от кого доброго слова не слышал. Тем более от женщины. Особенно от такой... Такой прекрасной, как ты.

Лера (*подходит к Иванову вплотную*). Ты серьёзно? Не шутишь?

Иванов (*обнимает её*). Вполне серьёзно.

Лера. И предлагаешь вроде как семейно жить?

Иванов (*уверенно*). Да. Я чувствую, нет, я знаю, что ты дана мне Богом. Как Ева Адаму.

Лера (*тихо и светло смеётся*). Я не Ева, я Лера.

Иванов (*смакуя каждый звук*). Ва-ле-ри-я. А ты знаешь, что означает твоё имя?

Лера (*кладёт голову ему на плечо*). Не-а. Знаю, что оно вроде бы римское.

Иванов. Точно. А в переводе — сильная, здоровая. И телом, и душой. Так ты согласна стать моей женой?

Лера. Да. Согласна.

Иванов. Мы будем счастливы вместе, обязательно. Правда, у меня ничего нет, даже дом свой я потерял.

Лера. Ничего, вдвоём мы его найдём скорее.

Тишину в подъезде взрывает дребезжащий телефонный звонок.

Иванов. Это же мой телефон! Точнее, моего деда! Таких сейчас уже ни у кого не осталось. Значит, он звонит в моей квартире. Бежим!

Иванов хватается за руку Леры, и они вместе бегут по лестнице вверх и вверх, оказываются перед распахнутой настежь дверью, врываются в квартиру. Иванов хватается трубку чёрного эбонитового аппарата сталинских времён.

Иванов. Да! Алло! (*Пауза.*) Слушаю, говорите!

Голос в трубке (*сдавленно*). Здравствуйте.

Иванов. Здравствуй, папа.

Голос в трубке. Ты узнал меня, сынок!

Иванов. Просто почувствовал, что это ты. (*Пауза.*) Папа, я очень рад тебя слышать.

Голос в трубке. И я очень рад. Прости, что всё так сумбурно. Не надеялся, что смогу дозвониться. А тут сразу ты ответил. Я немного растерялся.

Иванов. Папа, где ты? Ты приехал?

Голос в трубке. Нет, но скоро буду у вас. Очень хочу встретиться.

Иванов. Я тоже. Как ты?

Голос в трубке. Хорошо... (*Пауза.*) Прости, сын, что я столько лет не давал о себе знать. Я очень виноват перед тобой.

Иванов. Тебе не надо оправдываться.

Голос в трубке. Надо, ещё как надо! Я бы хотел, чтобы ты меня простил.

Иванов. Я люблю тебя, папа!

Голос в трубке. Что? (*Вскликивает*).

Иванов. Очень люблю и жду с нетерпением.

Голос в трубке. Я тебя тоже очень...

Связь прервалась. Иванов стоит ещё немного, слушая гудок в трубке, затем кладёт её на аппарат и возвращается к застывшей в нерешительности Лере.

Иванов. Заходи, что же ты? Это наше с тобой жилище.

Лера. А говорил, потерялся.

Иванов. Было дело. А теперь вот нашёлся. Для Бога никто не потерян, все наперечёт. Входи смелее.

Занавес.